

Посвящается врачам и садоводам

в начале осени ты слышишь призраки
людей, давно ушедших,
эхо забытых разговоров,
гул догоревших лета и весны.

ты слышишь шорох трав застроенных полей,
вой отмененных поездов,
лай старых лис в лесу,
и щебет улетевших птиц,
и собственное детство.

*Метафоры смерти воспроизводят ритм
взаимоотношений дикой природы и родного дома,
ухода и прибытия, одиночества и связей.*

ТОМАС МАХО. МЕТАФОРЫ СМЕРТИ*

Свое тридцатилетие я встретила в больнице.

День начался с команды просыпаться. Именно с ней в половину восьмого в палату зашла медсестра, вручила мне градусник и вышла, оставив дверь распахнутой. «Просыпаемся», — донеслось снова, уже дальше по этажу. Я сунула градусник под мышку и попыталась досмотреть сон, но мешал свет из коридора. Вскоре медсестра вернулась в душный, кофейного цвета полумрак палаты — теперь с журналом и стальным лотком. Она включила лампу, записала в журнал температуру — та все еще держалась — и сделала укол.

Мне сегодня тридцать, сказала я, лежа на животе и глядя на нее краем глаза, снизу вверх.

Медсестра моргнула, не сразу сообразив, о чем я, затем улыбнулась — она тоже не до конца

* Махо Т. Метафоры смерти. О логике трансцендентного опыта / Пер. А. Белобратова. — М.: Des Esseintes Press, 2025.

проснулась. Ну что же, с днем рождения, сказала она, убирая использованный шприц в лоток и приклепнув место укола ватой, пропитанной спиртом. Это надо как-то отметить. Можем сделать витаминки.

От витаминок я отказалась и осталась лежать на животе, придерживая ватку на покрытой пятнами синяков ягодице. Вторая ягодица была не лучше, обе они выглядели как бока подпорченного яблока — когда тебе делают по три укола в день в одни и те же места, гематомы неизбежны. Я мазала их желтоватым гелем — впрочем, просто потому, что мне велели это делать. Сама я не верила, что гель действительно может повлиять на что-то, кроме верхнего слоя кожи.

Подмосковный госпиталь, в котором я проходила лечение, окружали ели и сосны, на них густо падал снег. Он скапливался на ветвях, затем сползал и беззвучно падал на сугробы у корней. Мне хотелось одеться, выйти в белую тишину и прогуляться по узким натоптанным тропкам. Коснуться иголок на еловых лапах. Погрузить ладонь в снег и почувствовать, как холод обжигает кожу. Будь я на даче, я так бы и сделала.

На этаже нас лежало трое: я и двое мужчин лет шестидесяти. Время от времени кто-то из них шаркал тапками от сестринской, держа чашку кипятка. Три раза в день нам развозили еду на тележке. Кормили в госпитале на убой: огромные порции супа, котлеты больше моего кулака, пюре,

салат, компот. Тарелки потом забирали, тоже сгружая на тележку.

Через пять дней, перед выпиской, мне сделают флюорографию. Да, была пневмония, скажут мне, подтвердив уже много раз подтвержденное. Левое легкое, верхняя доля, теперь все в порядке. Если хотите, сделайте КТ, но это не обязательно. У вас останется спайка, такое бывает после тяжелого течения болезни. Просто вы запустили грипп, девушка, неправильно лечили, плохо откашливали, и прочее, прочее, прочее.

А спустя два года, еще одно воспаление легких и две компьютерные томографии окажется, что «просто» пневмонии не бывает.

1

Все начинается в конце 2014-го.

Мне снится: звонит телефон и кто-то незнакомый гнусаво сообщает мне, что бабушка Анна скончалась. А я вспоминаю, что хотела съездить в Лобню, где она живет, и навестить ее, но постоянно откладывала поездку по разным причинам: из-за лени, как я считала тогда, а на самом деле из-за неубывающей усталости в декрете. Попросить кого-то посидеть с ребенком мне удавалось редко, и не оставалось сил, чтобы изображать радость от материнства, которая как минимум должна граничить с маниакальной фазой биполярки. Погоня за призраками успешного успеха: Лена готовит первое, второе, третье и компот из экопродуктов, Вика похудела, занимается лепкой с детьми и ведет свой блог, Марина открыла маникюрный салон на дому, а что делаешь ты? Тратишь весь день на жареную курицу и уборку?

Во сне я тоже разочарована собой. Я не попрощалась — как я могла? Горе простреливает от макушки до пят электрическим разрядом, и я просыпаюсь, потому что плачу.

На телефоне пять утра. За окном расплзается рассвет, будто капля розовой краски в голубоватой воде. По правую руку от меня спит муж. По левую руку детская кроватка, в ней спит сын, ему три года. Мне самой уже не спится, позже я набираю бабушке, но никто не отвечает. Тогда я звоню ее родной сестре, бабушке Клементине. Она говорит, что Анна приболела, но с ней мой отец. Все хорошо, просто сломался телефон. Я верю. Сама я последний год редко звонила Анне, отношения у нас сложились тяжелые.

Я провожаю мужа на работу.

Я сажусь за роман.

Я готовлю завтрак и кормлю проснувшегося сына.

Я слушаю новости через наушник. Свободным ухом я прислушиваюсь к тому, что происходит в квартире.

Я смотрю на экспрессы до аэропорта. Они с гудком проносятся мимо, их красные вагоны мелькают в просвете между пеналами-многоэтажками.

Я собираю Лёву, и мы идем гулять.

Я стою на пешеходном мосту над железнодорожными путями. Рельсы похожи на позвоночник. Натянутые над ними провода — это нервы. Когда я была маленькая, бабушка учила меня угадывать приближающийся поезд: если провода подрагивают, значит, электричка близко. Так нервный импульс бежит от конечностей к мозгу.

Мам, поезд! Смотри, мам, еще поезд, повторяет Лёва. Он очень любит поезда. Помпон на его шапочке тоже подрагивает.

К станции подъезжает электричка, выпускает пассажиров, те торопятся вверх по лестнице к нам, на пешеходный мост, а электричка едет дальше. Я смотрю ей вслед, в точку, где провода и рельсы-позвоночник сходятся и перетекают за горизонт. Там, в полчаса езды, находится Лобня.

Тучи набухают, опускаются к земле, соприкасаются с ней животом, полным дождя. Электрички проносятся под нами в обе стороны, тормозят у платформ, впускают и выпускают людей и уезжают за пределы пузыря, до которого сократился мой мир: десять дворов, три улицы, пять перекрестков до Дмитровского шоссе. Мы с Лёвой проходим его за час. На электричке за это время можно доехать до Икши, я никогда там не была.

И меня все еще тревожит увиденный сон.

Я могу послушать свою интуицию.

Я могу сесть вместе с Лёвой в электричку и проехать десять остановок.

Я могу перейти поле между станцией и городком, дойти до нужной пятиэтажки, постучать в окно квартиры на первом этаже.

Но я думаю, что это всего лишь сон. Мои страхи, ночной кошмар, не более того. Я беру Лёву за руку, и мы спускаемся за пассажирами к автобусной остановке и ряду маршруток, которые стоят с открытыми дверями. К белым панелькам,

выстроившимся в шахматном порядке до самого МКАДа.

* * *

Смерть приходит тихо и оставляет за собой еще более глубокое молчание, как следы в вязкой почве болота, которые постепенно заполняются водой. Следом меняется ветер, теперь он северный, пронизывающий, неуютный. Он сквозит через щели в окнах, холодит ноги, забирается под куртку, свитер, майку, кожу.

Осенью 2014 года, спустя два дня после моего сна, бабушка Анна умерла.

Уже после я узнаю, что накануне она плохо себя чувствовала, обострился панкреатит. Ехать в районную больницу она наотрез отказалась — в последний раз, когда она туда поступила, ее держали на диете и делали капельницы с глюкозой. Она посчитала, что этого было мало, что это было не лечение, а фарс, и теперь осталась дома. Мой отец посоветовался с бабушкой Клементиной и тоже не стал вызывать скорую и оформлять мать в больницу против ее воли. Он просто перевез Анну на такси к себе, в Мытищи. Взял ее пенсию, сходил в магазин, принес сухари и зеленые груши, себе — пиво. А через день бабушка Анна скончалась, лежа позади него на диване, глядя на его спину. Гнойный панкреонекроз, как показало вскрытие.

По данным исследований, проводимых с помощью электроэнцефалографии, последним из органов чувств перед смертью угасает слух. Даже когда человек теряет сознание, его мозг продолжает реагировать на звуки.

Что слышала перед смертью бабушка Анна? Лай собак за окном? Смех детей в детском саду напротив? Шум ветра? Звук телевизора? Голос отца?

* * *

В мытищинский морг я еду одна. Там мне выдают список документов на погребение, велят оформлять быстрее. Попутно сотрудница морга звонит кому-то, и к нам присоединяется еще одна женщина — из похоронного агентства. Она предлагает сделать все «под ключ», как дом или пластиковые окна. Она тоже выдает мне список — какая нужна одежда, какой внести аванс.

Я смотрю на часы на стене — я даже успеваю получить одну выписку сегодня, я знаю, как добраться в тот конец Мытищ. Я сажусь в автобус. Снаружи начинается дождь, и окна постепенно запотевают.

Звонит Светлана — соседка, которую мы недавно попросили нам помочь за небольшую плату, она сидит со Львом два раза в неделю по несколько часов. Первое, что я слышу, когда отвечаю на звонок, — это Лёвин протяжный плач. Когда я уезжала, у него была небольшая температура.

У Лёвы тридцать девять и пять, говорит Светлана. Он жалуется, что болит голова, не может встать. Вдруг менингит? Что делать?

Надо вызывать скорую, понимаю я. Та наверняка увезет нас с Лёвой в больницу. Глупо, что в этот момент я думаю еще и о документах и похоронах. Я будто пытаюсь удержать в ладонях горсть риса, но зерна проваливаются между пальцев и падают на землю.

Я звоню мужу.

Ты сможешь сейчас приехать домой? Я в Подмосковье.

Муж не может, у него работа, он предлагает вызвать врача на дом. Зачем сразу скорая?

Я вспоминаю отца и бабушку Анну.

Хорошо, разберусь сама, я отвечаю и звоню Светлане, сообщаю, что еду. Пересаживаюсь из одного автобуса в другой, который везёт меня в Москву. В Москве пересаживаюсь в маршрутку от станции «Медведково» до станции «Лианозово». На станции «Лианозово» перехожу пути и снова забираюсь в маршрутку. Дождь перерастает в ливень, смывает последние листья с деревьев, лупит по машинам, по асфальту, по мне, взбивает пузыри на лужах. Я перепрыгиваю потоки воды, пробегаю переход на мигающий зеленый — тропически яркий в наступающих предзимних сумерках. Папка с документами у меня в руках отсырела.

Лёва и правда горит и действительно не может поднять голову, когда лежит на спине. Он только

обессиленно хнычет, и я глажу его по вспотевшей голове.

В дверь звонят, но это не скорая, а муж. Начальник отпустил его домой, узнав, что у жены умерла бабушка, а у сына лихорадка. Ты чего сидишь, езжай, сказал он. Теперь муж неловко мнется у кровати. Не знаю, что смущает его больше: то, что пришлось посвятить начальника в семейные дела, или собственная бесполезность. Он не может подойти ко мне и обнять — такое проявление чувств у нас не принято даже наедине. Он не может помочь сыну — никто из нас не может. Уверена, что он хотел бы, он хороший отец.

Я сижу и смотрю в стену, мне кажется, что я могу только дышать и медленно моргать. Внутри я каменная и немая. Светлана уходит, я слышу, как муж благодарит ее за помощь и шуршат купюры.

Работники скорой задают мало вопросов и решают нас госпитализировать. Я собираю резиновые тапочки, трусы, халат, полотенце, принадлежности для ванной. Такой же набор собираю для Лёвы, вынимаю из папки отсыревшие бабушкины документы, кладу в нее наши, мы грузимся в кузов газели. Лев лежит на каталке, я сижу на сиденье рядом — еду боком, так же как в маршрутках час назад.

Моя миссия — держать ребенка, когда ему делают уколы. Лёве уколы не нравятся, и я его очень понимаю, но все равно обхватываю его руками и ногами, не давая дергаться и навредить себе. Через два дня при звуке открывающейся двери бокса Лёва начинает прятаться под кровать. Мне приходится его выманивать, и от этого я чувствую себя предателем.

Еще одна моя миссия — кормить Льва и себя. Еду нам просовывают на подносе через окошко. В первый день Лёве невкусно, он отказывается. В меня еда не лезет, но потом голод берет свое, и мы уже не выбираем, считаем все, что приносят, даже утреннюю кашу.

Бокс в инфекционке размером три на три, выходить нельзя. Лёве скучно, меня же развлекают звонками из морга. «Вы когда заберете тело бабушки? У нас каждый день просрочки платный». Я обещаю забрать тело поскорее. Я не уточняю, имеют ли они на это право — брать деньги за «просрочку». Наверное, имеют. Они как будто говорят об испорченном мясе, которое лежит на складе. Возможно, в Мытищах слишком часто умирают и морги переполнены.

Во время обхода я спрашиваю у врача, могу ли я оставить в больнице вместо себя кого-либо из родственников. По ее реакции я понимаю, что это нежелательно. У вас так много дел, мамочка? У вас ребенок болен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru